

Игорь Шестков "Облако Оорта"

ОБЛАКО ООРТА

Многие голливудские ужастики скроены бесстыдно незамысловато. Группа школьников или студентов отправляется на природу. На пикник, в лес, на побережье или домой, на каникулы, или еще куда-нибудь. Глупые подростки, конечно же, выбирают не ту дорогу, ставят палатки не там, где нужно, лезут не в ту пещеру или не на ту гору, заезжают в подозрительные провинциальные городки, останавливаются не в тех мотелях, посещают нехорошие бары, в которых задирают не тех людей. У них ломается машина, отказывают мобильные телефоны, кончается провизия и вода, ботинки и рюкзаки натирают им ноги и спины, они падают, подворачивают ноги, попадают в капканы.

Ссорятся, выясняют отношения, вспоминают давние обиды.

Кошмар обычно начинается в сумерки или ночью...

Помурыжив и помучив своих несчастных героев бессмысленным хождением в лабиринтах ужаса, режиссер приступает к их систематическому уничтожению. И они послушно гибнут один за другим. Как по расписанию. Все, кроме одного или одной, необходимой создателям фильма для того, чтобы рассказать, как на нее и ее друзей охотились, как их унижали, убивали, пожирали скрывающиеся поначалу оборотни, ведьмы, вампиры, грубые деревенские парни с топорами, мертвецы, мутанты, гигантские змеи и насекомые, привидения и пришельцы с далеких планет.

Обычно это очень скучные фильмы. Школьники и студенты — все, как на подбор, капризные, упрямые, легкомысленные. На разработку их характеров у создателей таких фильмов попросту нет времени. Тут ведь дело идет не о психологии, а о членовредительстве. События и ситуации — даже не высосаны сценаристом из пальца, это было бы не так уж и плохо, все мировое искусство и литература высосаны из пальцев их создателей, а смиренно взяты напрокат из популярного собрания кино-штампов.

Сильный, статный и дерзкий красавец, сынок богатого папы, безнаказанно оскорбляющий своих приятелей в начале фильма, погибает первым. Он —

жертва мстительного комплекса неудачника-сценариста, сутулого и застенчивого бедняка.

Гибель сексапильной и наглой красотки-блондинки с длинными бедрами и увесистой силиконовой грудью (блондинок может быть и две и три, если бюджет позволяет) зрители смакуют, потя и пуская обильные слюни, особенно долго. Эти сцены и есть содержание фильма, его единственный козырь. Все остальное — только упаковка.

Та, которая попроще, почти дурнушка, но с характером, чаще всего выживает. Ей, разрешается, так уж и быть, преобразиться и стать красавицей. Иногда, впрочем, роль Золушки поручается нерешительному, вечно себя стесняющемуся уродцу. Выбор зависит не столько от гендерной ориентации режиссера, сколько от капризов денежных мешков, вкладывающих в производство фильма деньги. Злобуны — неестественно, катастрофически злобные.

Каждый раз меня поражает их энергичность и целеустремленность. Господа, положи руку на сердце, ну на кой черт суесться, кого-то убивать... люди все одинаковые... только упаковки разные... одного убьешь, а семь миллиардов останется... Скучно, не гигиенично и наказуемо! А им, злобунам, не скучно! Они — энтузиасты! Фанатики. И как почти все фанатики и энтузиасты они лишены индивидуальности, у них, как и у святых, имеется только атрибут. Электропила, ножницы, топор, маска, кухонный нож (один герой крушил черепа супостатов вырванным из стены сортира писсуаром)... Злодеи поджидают мальчишек и девчонок в каких-то вонючих подвалах, шахтах, чердаках, рычат, кусаются, пьют кровь... Паршивое занятие. Выпили бы лучше пива. Их можно только пожалеть. Этим бедолагам суждено погибнуть в конце представления и волшебным образом воскреснуть в сиквеле, если фильм по какой-то, известной только олимпийским богам, причине принесет прибыль.

Я редко смотрю подобное кино до середины, обычно, трех-четырёх минут хватает.

Но иногда ткань моей жизни так истончается, что ей требуется кино-заплата. Тогда я открываю в интернете первый попавшийся трэш-фильм (хорошее кино, как и хорошее вино, можно вынести, только если ты крепок духом и здоров, во время хандры или болезни можно и нужно смотреть только дрянь и пить только

минеральную воду) и пытаюсь с его помощью отвлечься от собственного трэша. Смотрю фильм, наслаждаюсь его дебильными приемами, цинично позволяю подсознанию переплетать мои, еще живые волокна с искусственными волосами чужой коммерческой фантазии. Отвлекаю его от расчесывания старых ран. И потихоньку готовлюсь так к концу, к исчезновению. Фильм ведь и есть одна из форм небытия. И наше с ним слияние подобно смерти.

Смотрю, посмеиваюсь, дремлю... но иногда просыпаюсь, потому что наталкиваюсь на необъяснимые сближения, совпадения.

Да, господа, и со мной, в самом настоящем реале произошли несколько кошмарных историй, напоминающих подобный фильм. Недавно, в жару, в расслаблении тела и немощи душевной я вспомнил одно престранное происшествие. Это случилось недалеко от Бахчисарая, в пещерном городе Тепе-Кермен, в начале семидесятых годов ушедшего столетия.

...

После окончания девятого класса я поехал не на море отдыхать, а работать. В Крымскую Обсерваторию. Помогли знакомые отца. На два месяца. Лаборант на полставки. Сорок ре. Наконец-то удрал от предков! Как же они мне осточертели! И олды, и школа, и столица первого в мире, и ее обитатели.

Радовало и возбуждало меня все — душистый степной воздух, башни с раздвигающимися куполами, похожие на минареты какой-то особой, питающейся энергией неба, религии, заброшенные татарские грушевые сады, бутылка ликера Бенедиктин, купленная в первый же день свободы в продмаге и распитая в блаженном одиночестве, открывающийся с нашей научной горы потрясающий вид на напоминающую гигантского сфинкса с отрубленной головой вершину Чатыр-Дага, освобождающая от гнета угрюмой советчины западная музыка, которую ловила на коротких и средних волнах радиола «Ригонда», стоящая в коридоре общежития, коллективные поездки ученых и студентов в Ялту... но больше всего, естественно — новые знакомые девочки. Шестнадцатилетняя дочка моего шефа, профессора Карабая, стройная как тростинка татарочка с фиолетовыми глазами Зухра и ее одноклассница Оксана, сложением напоминающая Помону Майоля из Пушкинского музея, жившие в старинном кремевом особняке для начальства в ста метрах от студенческого

барака, в котором я занимал отдельную комнатку. Точнее — отгороженную перегородкой от длинной спальни студентов и аспирантов-практикантов нишу площадью в четыре квадратных метра, в которой помещалась спартанская койка, покрытая тюремным дырявым одеялом, замызганная табуретка и исписанная похабщиной тумбочка, служившая по совместительству и обеденным столом. Не буду отнимать время у читателя описаниями студенческих попок, купания в Черном море, покупок персиков и черной Асмы на базаре, посещения Чуфут-Кале и Ханского дворца в Бахчисарае, античных развалин в Херсонесе, диорамы «Штурм Сапун-горы» и памятника матросу Кошке в Севастополе, потрясающих бессонных ночей, проведенных рядом с телескопом-рефрактором (каждые тридцать секунд надо было, глядя в двухметровую трубу, уточнять микровинтами направление оптической оси, старое механическое устройство, компенсирующее вращение Земли, было несовершенным), чудесным трофейным цейсовским инструментом, которым я фотографировал, с выдержкой в сорок минут, в поисках Новых и Сверхновых отверстую пасть вселенной — усеянное яркими звездами черное крымское небо в районе созвездия Волосы Вероники, нудного процесса проявления фотопластинок и мучительно долгой работы на блинк-компараторе. Перейду к делу.

Пошли мы одним знойным воскресным утром в пещерный город Тепе-Кермен, расположенный на конусообразной горе-останце, тоже, кстати, прекрасно видной из обсерватории.

Мы — это Зухра, Оксана, я, а также рыжеволосый, веснушчатый и милый пятнадцатилетний сын профессора Троицкого Максим, бредящий Жюль Верном, которого из-за его увлечения и возраста все запросто звали Диком Сэндом или Капитаном, чем он, полагаю, втайне гордился. Капитан вечно вертел в руках небольшую металлическую расческу, чесал ей свою буйную гриву и утверждал, что расческа эта серебряная когда-то принадлежала самому Жюль Верну, о чем свидетельствует якобы гравированная надпись на французском языке.

А еще с нами в поход отправился аспирант Шигаров. Щуплый, маленький, дотошный, помешанный на своих переменных звездах и слегка влюбленный, кажется, в пышнотелую Оксану, ученик Карабая. Свою влюбленность Шигаров манифестировал своеобразно — все время шел недалеко от Оксаны, вроде как

хвостик, и внимательно, как будто спектральный анализ муравьев проводил, смотрел через свои толстые старомодные очки в землю, упорно молчал и улыбался. Зухра и Оксана бросали на него исподтишка дерзкие взгляды, переглядывались и хихикали, и он эти взгляды замечал, но виду не показывал, а только еще внимательнее смотрел вниз и еще упорнее молчал.

Молчал впрочем, не только Шигаров, молчали все. Минут тридцать слышны был только скрип наших кедров и сандалий, шуршание камешков под ногами, шелест листьев, да завывания жаркого ветра, мечущегося между мреющими на южном солнце холмами.

Я попросил Капитана рассказать нам что-нибудь из Жюль Верна. Знал, что это будет весело. Несколько дней назад он пересказал мне роман «С Земли на Луну». Пока я на блинк-компараторе работал. Часа четыре разорвался. Я чуть со стула не упал. Капитан обладал феноменальной памятью, легко входил в роли, рвал и метал, прыскал слюной и жестикулировал. Был при этом абсолютно серьезен. Мне хотелось и самому посмеяться, и позабавить девушек, и... представиться Зухре — скромной, но симпатичной альтернативой инфантильному слововержцу Капитану и безнадежно старому молчаливому аспиранту-очкарику.

Стройная татарочка с фиолетовыми глазами мне очень нравилась, но никаких ответных чувств я в ней, как ни старался, вызвать не мог. За три дня до нашего похода я был в гостях у ее отца, невероятно быстро соображающего и потому смотрящего на всех скептически профессора Карабая, в доастрономической своей юности кстати профессионально игравшего джаз на тенор-саксофоне.

Рассказывал ему о своих успехах на поприще поиска сверхновых. Увы, я так и не открыл ни одной новой звезды, слава пролетела мимо меня, как синяя птичка, даже не задев своим светящимся крылышком, а пять лет назад тут один студент-практикант — без всяких телескопов и блинк-компараторов — открыл Новую в созвездии Утки, просто так, возвращаясь с макаронами и поллитрой под мышкой из магазина. Сенсация! Его поздравляли-обнимали, все телескопы конечно тут же жадно на Новую наставили, телеграммы разослали. Вскоре однако выяснилось, что до него эту же звезду открыли японцы, голландцы и островные китайцы.

После неприятного разговора, в конце которого мне досталось от профессора за неаккуратность, я был приглашен на ужин. Сидел за столом напротив Зухры, старался на нее не глазеть и вести себя достойно. Почти получилось. Лишь один раз я все-таки не удержался и проникновенно-влюбленно (юности так хочется, чтобы ее любили!) взглянул в глаза своей милой, затем набрался мужества, привстал и начал провозглашать тост в ее честь, но никто меня не слушал, и я сел, глотнул «Боржоми», закашлялся и покраснел как вареный рак. Зухра, когда я начал кашлять и краснеть, вздрогнула, скептически, как отец, на меня посмотрела, капризно повела плечами, покачала головой (это означало «нет, ни за что и никогда») и тут же отвела глаза.

...

Капитан начал торжественно.

— Пятнадцать дней бушевал Тихий океан!

Меня тут же задушил приступ смеха. Подобные фразы казалась мне тогда (и кажутся сейчас) бесконечно, беспощадно глупыми и смешными. Вокруг нас простирались безводные степные просторы. Длющаяся уже месяц засуха окрасила кустарники и деревья среднего Крыма в коричневатые тона, трава пожухла, река Кача пересохла... Тихий океан!

Девушки внимательно слушали Капитана. Оксана смотрела на него с уважением. Зухра сосредоточенно жевала травинку. Шигаров улыбался и смотрел вниз. Изредка, впрочем, снимал очки, поднимал голову, щурил глаза, осматривался и давал нам краткие указания, куда идти. Он в Обсерваторию ездил каждое лето и знал ее окрестности так же хорошо как созвездия крымского неба.

— Приметы Негоро: Черная борода и татуировка на руке...

Я догадался, что Максим пересказывает нам не роман, а известный фильм сороковых годов, в котором роль капитана Гуля исполнил грассирующий по-оперному и безбожно переигрывающий Александр Хвыля, а Дика Сэнда — молодой Всеволод Ларионов. Фильм этот недавно транслировали по телевизору и многие ученые и студенты нашей станции его смотрели.

Капитан подпрыгивал как кузнечик, рискуя потерять свои веснушки, и горланил голосом Хвыли, задыхаясь от ложного пафоса: Лоботрясы! Бездельники! Любой из вас не стоит и стоптанного сапога с левой ноги моего юнга Дика Сэнда. 120

пустых бочек на борту «Пилигрима»! Когда мы уходили от мыса Горн, киты хохотали нам вслед. Они плевали нам на корму! Пассажиры? Мой Пилигрим — не яхта для прогулок. Я китобой, а не извозчик!

Потом вдруг преобразался в кузена Бенедикта и бляял: Я изучаю энтомологию, великую науку о насекомых! Это безусловно четвероногое позвоночное! Собака из породы австралийских динго.

Потом опять ревел Хвылей: Вот ваш голубой таракан! Кит! Гарпуны в порядке? Остроги, копыя? Четыреста чертей!

Неподражаемо изображал Негоро-Астангова, нашептывал вкрадчиво: Я служил на лучших пароходах линии Марсель-Гонконг. В совершенстве знаю французскую кухню! Пассажиры будут довольны!

А потом добавлял ядовито: Не забываете, что это Ангола, а не Пятое авеню!

Капитан Сэнд, не угодно ли барашка по-африкански?

Нежно мурлыкал: Мой мальчик, сможешь ли ты найти дорогу в этом страшном океане?

Становился похожим на архангела, когда проговаривал реплики Дика Сэнда: Я поведу корабль по компáсу! Только бы нам достигнуть Америки! Земля! Я вижу густой лес, зеленые поляны, множество ручьев! Геркулес, немедленно задержать Негоро! Гаррис сбежал, он заодно с Негоро, он подлый предатель!

Задышался от сарказма, становясь работоторговцем Альвецом: Сеньор Перейра!

Рад вас видеть без веревки на шее! Клянусь, этот мальчик вылечит меня от ревматизма! Передайте его величеству, королю Мауни-Лунгу, что я завтра принесу Сэнда в жертву, заменив им старую лошадь.

...

Из-за его драматического искусства мы и не заметили, как подошли к конусообразной горе. Поблагодарили рассказчика. Оксана его обняла и поцеловала. Затем поднялись по осыпи к нижней, похожей на огромный каменный автобус скале, обогнули ее и начали восхождение по северной, относительно пологой стороне, заросшей леском и кустарниками. Молодые ноги легки — мы быстро достигли плато.

Попрыгали, побегали, поглазели на роскошные пейзажи. Шигаров сделал несколько фотографий болтавшимся на его шее стареньким ФЭДом в потертom

чехле, девушки сплели небольшие венки из желтых и синих цветов, непонятно как выживших среди камней. Еще часок побродили по пещерам, тогда еще не исписанным безмозглыми туристами. Нашли подземную церковь с колоннами и полуразрушенной крещальной. Я, как всегда в старых постройках, сосредоточился и попытался проникнуть в иной пласт времени, расслышать греческую литургическую музыку тысячелетней давности. Но ничего не услышал кроме радостного смеха нашего юного Капитана, влезшего в одну из могил, сложившего руки крестом на груди и испугавшего своим видом и воем пугливую Оксану.

Ушли из подземелья и устроили пикник. Сели у обрыва, в тени небольшой стены, там, где в старину возвышалась сторожевая башня. На ее месте торчал, как зуб, высокий камень. В скалах рядом с ним то ли природой, то ли человеком были выбиты круглые отверстия. Мы развели в одном из отверстий костер, съели бутерброды и груши, напились невкусной воды из фляжек, поболтали. Разговор не клеился.

Я хотел было попросить ожесточенно расчесывающего свои непокорные космы Дика Сэнда рассказать нам про капитана Немо и Наутилус, но, подумав, передумал. Тактика моя — послужить обаятельным контрастом ошалелому рассказчику и молчаливому аспиранту — успеха не принесла. На мои робкие попытки заговорить с моей зазнобой о истории Тепе-Кермена (в моем арсенале хранились сведения из специально проштудированной в библиотеке книги «Пещерные города Крыма» и мной самим придуманные легенды «о черных монахинях, превратившихся в каменных кротих» и о «пещерной королеве Сигидии, спасшей своей красотой любимый город от гнева хана») Зухра реагировала вяло и смотрела в сторону. А потом шушукалась с Оксаной и смеялась. Я решил завести с всезнающим Шигаровым умную астрономическую беседу. Потому что мог кое-чем блеснуть. Поговорить мне хотелось тогда о еще гипотетическом, загадочном облаке Оорта, огромном сферическом пространстве вокруг Солнца, радиусом чуть ли не в световой год, из темных и мрачных глубин которого прилетают иногда в нашу, светлую часть Солнечной системы кометы с грязными ледяными ядрами. Эти хвостатые небесные тела, говорят, могут запросто уничтожить жизнь на нашем уютном голубом шарике.

Но беседу начать мне не удалось, потому что как раз в тот момент, когда я открыл рот, и начался ужас.

Трудно передать словами ощущение от произошедшей ни с того, ни с сего метаморфозы. Мир вокруг меня потерял цвет. Ветер затих. Исчезли шумы и запахи. Наступило что-то новое.

И скалы, и небо, и дали, и огонь в костре — все стало вдруг иссиня-серым и как бы двумерным. Превратилось в контрастную, не очень резкую фотографию. Я чувствовал грозное приближение чего-то катастрофического, фатального. То же самое наверное ощущали обитатели Тепе-Кермена, когда в ожидании появления полчищ Ногая впервые расслышали доносящийся из-за холмов топот тысяч коней. Хруст и стон земли.

И это страшное приблизилось и ударило меня в грудь тошной волной.

Неожиданно послышались какие-то сиплые голоса. Как будто пространство скрутилось в дьявольскую телефонную трубку... я услышал переговоры обитателей ада.

Каркающий голос спросил, грубо корежа слова: Это кто такие? Неудравшие беляки? Буржуйское отродье? Или зеленые? Что будем с ними делать, Палыч? Ему ответили: Сразу видно, из какого огорода овощи. Контра. Так, товарищ Прялый, девок — в подвал к тете Розе. Оприходовать и в расход. Пацана и очкарика на допрос к товарищу Куну. Хотя... Чего тянуть, да балясы точить? Указание сверху имеем ясное. С обрыва их... Да не забудь трофеи для Евдокимова!

К нам подошли отделившиеся как тени от скал серо-синие люди. Похожие на красноармейцев из фильмов о Гражданской войне. Двое — в пыльных шлемах с звездами, один, маленький — татарин, другой, покрупнее — почему-то со страшно знакомым лицом. Кто это, чёрт возьми?! Третий был опоясан крест-накрест пулеметными лентами. Широкий и крепкий как старый дуб революционный матрос в тельняшке и бушлате. Четвертый — урод с провалившимся носом, вроде как солдат, в рваной шинели и в опорках. Спрашивал, по-видимому урод, а отвечал матрос.

Мы застыли в шоке. Я так и не успел закрыть рот. Был парализован.

Сколько длился шок — не помню. Помню только, что вдруг отчетливо слышал какие-то щелчки. Это Шигаров щелкал своим ФЭДом!

Тут все быстро завертелось. Как будто включился и затрещал кинопроектор! Понеслось черно-белое кино.

Урод как-то боком подскочил к Шигарову, вырвал из его рук камеру, швырнул ее на камни и ударил аспиранта в висок прикладом винтовки. Тот повалился как мешок (обычно пишут — как сноп, но я никогда не видел валящихся снопов).

Очки его отлетели в сторону, сверкнув стеклами. Солдат достал широкий штык и отрезал у лежащего уши. Выколол ему глаза, потом приподнял аспиранта одной рукой за шкурку и бросил как котенка в пропасть. И довольно закричал. Шкаф-матрос поймал вскочившего и попытавшегося удрать Пятнадцатилетнего Капитана, сгреб и обнял его медвежьим объятием, укусил его губы так, что кровь потекла по небритому подбородку, и тут же задушил несчастного огромными руками с вздувшимися хищной волной ногтями. Отрезал Дику Сэнду уши и нос и кинул обезображенный труп в пропасть.

Те, двое, в пыльных шлемах, вцепились как клещи в вопящих и отчаянно отбивающихся от них девушек. Повалили. Татарин — Оксану, а другой, с знакомым до боли лицом — Зухру. Грубо раздвинули им бедра, сорвали нижнюю одежду. После изнасилования татарин отрезал Оксане груди, а тот, другой, вспорол полумертвой Зухре живот. Трупы тоже побросали в пропасть. Меня злодеи как будто и не видели.

Убийцы собрались в группу... глухо заговорили о чем-то... слились со скалой, пропали.

Я остался у камня один, в жутком черно-белом мире.

Ужас, однако, и не собирался прекращаться. И вот... мои друзья опять сидят вокруг костра. Появляются серые. Сцена насилия повторяется. Кто-то упрямо еще и еще раз прокручивал страшное кино.

Только когда кошмар повторился раз тридцать, я понял, что надо делать, и прыгнул в пропасть.

Мне показалось, что я лечу, а упругий воздух держит меня, как птицу, но через мгновение я увидел стремительно приближающиеся скалы и зажмурил глаза. Я слышал, как трещал мой ломающийся хребет, почувствовал, как из горла

хлынула кровь и проткнутое ребром сердце перестало биться.

Во мне и вокруг меня разлилась, как молоко, белая тишина смерти.

...

Когда я очнулся — в холодном поту — мир вокруг меня опять был цветной, шумный и пахучий. Жарило оранжевое Солнце. На мое загорелое колено села большая янтарная стрекоза. Никаких красноармейцев рядом не было. Не было и следов крови на камнях. Не было почему-то и моих друзей.

Я все еще сидел там, у стены, рядом с камнем-зубом. Даже наш костерок не потух!

На камнях валялись — фотоаппарат, очки с треснувшими стеклами, расческа и два венка из желтых и синих цветов.

Я решил не психовать, по пещерам не бегать, а просто пойти назад, в Научный.

И попытаться жить дальше так, как будто ничего не произошло. Может быть, это все какой-то безобразный розыгрыш? Ошибка воображения? Видение?

Мираж? Или подсыпали мне злые девчонки какую-то снотворную гадость в воду? Или Капитан придумал какой-то дикий трюк?

Трюк?

Я заставил себя поглядеть с обрыва вниз, к счастью ничего страшного там не обнаружил и ушел с Тепе-Кермена, прихватив с собой камеру, очки, венки и расческу. Сориентировался и через два с половиной часа уже лежал на койке в своей одноместной норе в общежитии. Спрятал предметы в тумбочку, а венки повесил на гвоздь. Принял ледяной душ в грязной душевой. Поужинал, чем бог послал, закрыл глаза и терпеливо ждал, когда кто-нибудь из покинувших меня друзей придет и все расскажет, и мы посмеемся вместе. Никто однако не приходил.

...

Я вышел из своего укрытия поздним вечером и начал расспрашивать лениво бредущих к своим инструментам студентов о девочках, Капитане и Шигарове. На меня смотрели недоуменно. Позевывая, крутили пальцем у виска. Советовали меньше пить. Встретил на улице профессора Карабая, извинился и спросил, где — черт возьми — его дочь, ее подруга, где сын профессора Троицкого и аспирант Шигаров. Привел его в свою каморку, показал ему очки, фотоаппарат,

венки и расческу.

Карабай, слегка кривя рот, поморгал, скептически посмотрел на венки и произнес своей обычной скороговоркой с легким татарским акцентом: Вы, Антон, переутомились. Может быть слишком долго на Солнце бегали? Очки это ваши, и расческа ваша, и ФЭД, насколько я знаю, ваш, вы с ним сюда приехали. Прекрасная камера, точная копия немецкой Лайки. Никакой дочери Зухры у меня нет и никогда не было. На нашей станции никогда не работал никакой Троицкий и не было тут никакого Максима-Капитана, а у меня никогда не было аспиранта по фамилии Шигаров. Вам наверно надо пропустить одну ночную вахту. В медпункт зайдите. И на блинк-компараторе денек не работайте. Полежите на койке, почитайте что-нибудь или поспите. Помните, у нас на станции — сухой закон. Кстати... Вы случайно красных мухоморов не ели? Аманита мускария. Некоторые местные взяли моду. Галлюцинируют, а потом занятых людей от работы отвлекают. Ну мне пора, небо не ждет.

...

После этой отповеди я начал себя щипать, не помогло.

Вспомнил, что никогда не обедал у Карабая. Деловые разговоры мы вели только в лаборатории. И я действительно носил очки. Надпись на расческе была по-русски! Дорогому Антоше от бабушки и дедушки.

Может, у меня ангина и я в бреду? Или и вправду красный мухомор слопал?

Аманита мускария... любимая еда северных оленей и шаманов...

Да не ел я никаких мухоморов, что за вздор! И галлюцинаций у меня никогда не было. Да еще таких мерзких... красноармейцы... отрезанные уши.

Последней моей надеждой оставался фотоаппарат ФЭД.

Я осторожно перемотал кассету, вынул негатив, проявил и закрепил его в лаборатории. Высушил пленку. С судорожно бьющимся сердцем проверил — не засвечена ли. Нет, не засвечена. На всех кадрах — ландшафты, портреты, фигуры. Вот купола Обсерватории. Вид на Чатыр-Даг. Дорога на Тепе-Кермен. Пещеры... Церковь... Коллективный портрет... Кого? Не разберешь. Вроде нас. Девушки с венками на головах, сидящие у костра... Стена, тот самый камень... Отверстия в скале. Капитан с расческой... Аспирант в очках... Вот и проклятый матрос... Татарин... Безносый...

Господи, а это кто??!

Невыносимая правда открылась передо мной во всей своей чудовищной наготе!

Я узнал лицо того, кто истязал мою любимую.